

А. А. Джагарян¹

ГОСУДАРСТВО И ИДЕОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: К ПРЕОДОЛЕНИЮ КРИЗИСА ПРАВОСОЗНАНИЯ

Правовое развитие современного глобализирующегося мира имеет сложный, внутренне противоречивый характер, в значительной степени определяется действием актуальных социально-культурных факторов, среди которых следует принимать во внимание как впечатляющее расширение взаимодействия, диалогового партнерства различных культур, традиций, цивилизаций, так и их конкурентную борьбу, разные формы проявления конфликтов, столкновений.

Существенными являются также претензии отдельных наиболее развитых в промышленном отношении стран на роль культурного гегемона и соответственно попытки определенному, сформировавшемуся в конкретных социоисторических условиях типу мировоззрения придать универсальное начало и качество всеобщего достояния. Обусловленные подобным, по сути авторитарным, видением глобализации процессы, с одной стороны, связаны с известной инфляцией национальных культур и схематизацией, приданием формалистически инструментального характера внедряемым взамен прежних, традиционных, новым универсальным ценностям. С другой стороны, они характеризуются отчетливой радикализацией автономизационных, националистических настроений, обнаруживают в себе признаки духовной дезориентации современного человека, ищущего комфорта вне состояния Родины, но не удовлетворяющегося и достатком в отрыве от национально-культурной среды; они служат явственным свидетельством нарастающего кризиса современного правосознания.

В этом, как и в ряде других моментов, находит отражение подмеченная еще И. А. Ильиным своеобразная трагикомедия правовой жизни: даже уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием,

но сохраняет от идеи права лишь схему и использует ее произвольно, так что возникающее «неправое право» порочит, компрометирует подлинное право². Подлинное же право, по мысли И. А. Ильина, определяется прежде всего духовно-нравственными целями: ограждением духовного достоинства человека от его умаления, а также творческим развитием, нравственным совершенствованием личности, притом что по своей сути они глубоко национальны.

В связи с этим, говоря о кризисе современного правосознания, надо учитывать не только усиливающиеся противоречия в реализации фундаментальных правовых ценностей, включая прежде всего резко обострившуюся сегодня коллизию свободы и безопасности, и во многом связанный с отсутствием общепризнанных эффективных средств их преодоления дефицит доверия к традиционным государственно-правовым институтам. Речь должна идти также о проблемах иного, более глубокого уровня, которые, уже не будучи сущностно связаны с борьбой за право и утверждением его лучших форм, определяются постепенно накапливающейся и все чаще прорывающейся различным образом энергией сознательного или безотчетного игнорирования, дискредитации, ниспровержения самих основ правопорядка, утратой спасительной веры в силу права как принудительной реализации минимального добра. Это касается, в частности, отступлений, в том числе на глобальном уровне, от базовых принципов права в угоду конкретно-практической целесообразности (в борьбе за власть, на финансовых рынках и т. п.), предпочтений, нередко отдаваемых односторонне силовым методам решения геополитических и иных проблем в соотношении с диалогово-согласовательными, гармонизирующими правовыми процедурами. Предпринимаются попытки само право свести к некоему культурно-индифферентному, алгебраическому инструментарию, находящемуся по ту сторону морали и призванному оформлять и обслуживать любые, даже самые изощренные, проявления самореализации и гедонистические потребности любого «авангардного» меньшинства безотносительно к их связи

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор свыше 140 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.) и др.; соавтор учебника «Муниципальное право Российской Федерации».

² Ильин И. А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. С. 162–163.

с системой традиционных ценностей. Секулярность современного права нередко выдается за категорический разрыв с религиозно-нравственными основаниями, и, как следствие, вновь можно наблюдать приметы нарастающего воинствующего (уже либерально-анархического) атеизма, в том числе в виде запретов (явных или подразумеваемых) внешних символических проявлений религиозной самоидентификации.

Можно видеть также (в частности, довольно отчетливо это обозначилось в событиях на сопредельном России геополитическом пространстве) примеры того, как легко и стремительно цивилизованные институты публично-правовой жизни отвергаются и выхолащиваются, подменяются примитивными формами уличного, площадного управления («майданократии»). Массовым инстинктам толпы пытаются придать значение самодовлеющего фактора правообразования и на этой основе оправдать якобы правовое творчество без опосредования данного процесса устоявшимися социокультурными механизмами и рационализированными процедурами. М. Мамардашвили, видевший суть цивилизации в сложности искусственных форм, полагал, что в таких редуцированных ситуациях как бы разрываются «социальные мускулы», каковыми являются в том числе формализованное право и этика, и лишённые этих органов культуры люди становятся беззащитными перед буйством страстей, оказываются под действием законов, полностью определяемых элементарными потребностями, прежде всего борьбой за выживание¹.

Одновременно в этих процессах находят свое проявление тенденции, связанные с распространением радикальных социально-психологических установок, в том числе основанных на абсолютизации социального протеста. Приобретая систематический, устойчивый характер, они по целевой направленности уже не сводятся ни к изменениям личного состава публичной власти, ни даже к коррекции политического устройства, а со временем все больше превращаются в самоценные отрицания, питают пафос перманентной революции и формирование принципиально противогосударственного и антиправового мировоззрения. И нельзя не сказать, что связанный с этим культ анархизма лишь подкрепляется свойственными современному либеральному сознанию представлениями о человеке как конечной мере оценки предметного содержания свободы, справедливости, демократии, как и иных социальных ценностей, институтов.

В этом плане будет справедливым вывод о том, что современный системный кризис правосознания является производным от социально-нравственного, духовно-культурного кризиса. Расширение формальной демократии (как внутри страны, так и на международной арене) ведет к усилению, а не к ослаблению (снятию) идеологических противоречий, включая коллизии и конфликты между либеральными и консервативными (традиционными), универсалистскими и специфически-национальными ценностями (их различными интерпретациями). При этом плюралистическое коммуникативное пространство демократического общества

¹ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. С. 115–122.

не только не может оставаться свободным от идей, доходящих до самой грани того, что еще можно считать адекватным запрету агрессивного насилия, но и неизбежно включает в себя относительно широкий спектр нетрадиционных идейно-политических, социальных представлений, которые способны подвергать опасности устойчиво-целостное правовое развитие гражданского политического сообщества в длительной перспективе, включая восприятие такого сообщества лишь как объекта совокупного индивидуального потребления.

При таких условиях усиливается потребность в эффективных механизмах обеспечения и поддержания идейно-духовной, культурно-социальной целостности объединенных в демократическое правовое сообщество людей, и соответственно речь должна идти об адекватном характеру социоисторических изменений повышении роли и значения имманентных праву и государству их идеологических функций. Неслучайно дискуссия об идеологии приобретает в нашей стране все более широкий и напряженный характер.

В основе формирования и обеспечения ценностно-нормативного единства современного демократического общества должно лежать понимание того, что систематическое воспроизводство такого единства в условиях расширяющегося взаимодействия культур и цивилизаций требует прежде всего активно-организующего участия государства. Оно выражает обусловленные историческими, культурными и иными традициями, а равно актуальными представлениями народа о будущем всеобщие интересы гражданской политической нации, хотя к ним и не сводится. Демократическое правовое социальное государство призвано утверждать и поддерживать идейно-ценностные основания и пределы гражданского общежития, реализацией которых определяется как сохранение субъектной целостности народа в конституционном строе, так и достижение обуславливающих эту целостность целей социально-культурного прогресса. Вместе с тем именно справедливым взаимодействием суверенно равных государств, основанным на признании социально-культурного, цивилизационного многообразия и исторической неравномерности развития, определяется формирование цивилизованного международного правопорядка. Соответственно современное государство ориентировано на обеспечение организации идеологических отношений в целях гарантирования незыблемости фундаментальных правовых ценностей, как они отражены в национальном самосознании, и формирования прочной идейной убежденности человека как гражданина, связанного предметным пониманием свободы и ответственностью за судьбу, как свою и своих близких, так и своего Отечества.

Идеологическая функция государства, подразумевающая в том числе организацию культурно-просветительской и нравственно-воспитательной работы, государственно-правовой пропаганды и просвещения, реализуется на основании и в соответствии с конституцией, в рамках конституционной идеологии. Сама конституция служит кодификацией юридически опосредованных фундаментальных ценностей и идеалов народа, сформированных в его преемственно-историческом развитии

в контактах с другими народами, является отражением и основой для актуализированного обеспечения баланса между суверенной автономией и открытостью для международного общения. Введенный действующей российской Конституцией запрет на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13) означает не выведение государства из идеологической сферы, а определение характера его присутствия в ней как связанного с утверждением, выражением и ограждением именно конституционных (содержательно тождественных эксплицитированным или имплицитным конституции) ценностей и идеалов.

Конституционная идеология представляет собой систематизированное выражение релевантных современному конституционализму (как достоянию всего человечества, а не одной отдельно взятой культурной традиции) представлений, взглядов, идей, характеризующих сложившееся в обществе на основе восприятия традиций предков и осознания ответственности перед будущими поколениями, освоения опыта взаимоотношений с другими народами автономное ценностное видение справедливого общественно-государственного жизнеустройства и направлений его развития, обеспечивающих устойчивое воспроизводство суверенной демократической национальной государственности на базе гарантирования достойной жизни и свободного развития человека. Она нормативна, поскольку входит в механизм конституционно-правового регулятивного воздействия, и универсально-всеобща, поскольку связывает все субъекты права конституционно опосредованными характеристиками идеологического компонента политических, экономических, социальных, духовно-культурных и иных общественных отношений. Вместе с тем конституционная идеология строится на сочетании национального и наднационального начал: конституционным признанием универсальных ценностей человечества, связанных со свободой, уважением достоинства личности, равенством, справедливостью, подтверждается и обусловленность восприятия народом их сути и соотношения с учетом особенностей развития конкретной страны. В этом плане конституционная идеология служит основой для сбережения национальной правовой культуры и одновременно диалога между различными национальными правовыми культурами.

Конституционная идеология не отвергает идеологический, культурный плюрализм, но укладывает его на определенные ценностно-нормативные основания

и полагает ему пределы. При всем возможном разнообразии любые идейные течения, взгляды, мнения, убеждения, входящие в публичный дискурс, должны быть содержательно и по предметной направленности соотносимы с идеологической основой конституционного строя и ограничены нерушимостью образующих ее ценностей. При этом конституционная идеология, будучи принципиально правовой, является и нравственно обусловленной: в ней находят свое выражение правовой дух и правовая совесть нации, ее представления о роли права в формировании и ограждении добра, а также в его утверждении в мире, мировом сообществе.

Квинтэссенция российской конституционной идеологии заключена в соединении ценностей естественно-духовного достоинства человеческой личности, свободно и ответственно самоопределяющейся в социально-государственном единстве, и суверенной демократической государственности, обеспечивающей духовно-культурную идентичность и устойчиво-целостное правовое развитие объединенных в многонациональный народ людей. Поэтому реализация государством его идеологической функции должна быть направлена прежде всего на укрепление автономной правовой и нравственной самоорганизации человека, по мере роста уровня которой только и должны обеспечиваться адекватные преобразования в государственно-политической системе. Также и воздействие на российскую среду иных культурных традиций не может оставаться без внимания: диалоговые формы международных связей, стремление к которым конституционно и социально оправдано, предполагают вместе с тем обеспечение условий, включая нормативные, для сохранения национальной идентичности, имея в виду прежде всего отношения с так называемыми культурами-донорами, и одновременно обустройство наиболее тесных интеграционных культурных связей со странами, традиционно тяготеющими к русскому миру.

Глобализация, активно реализуемая сегодня в правовой сфере, не может интерпретироваться как выбор «правильной стороны истории», но само по себе глобальное развитие, не исключая динамику конституционно-правовых отношений, должно рассматриваться как своего рода функция согласования и объединения усилий множества культур, традиций, цивилизаций. Конституционная идеология, лежащая в основе государственной политики, дает для этого необходимые предпосылки и инструментарий.